

УДК 811.161.1 : 81'373 : 81+ УДК 168.522

**ОПИСАНИЕ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ:
МЕНТАЛЬНОСТЬ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИДЕОГРАФИЯ**

© 2011 г.

О.А. Лазарева

Санкт-Петербургский госуниверситет

lazarevao@mail.ru

Поступила в редакцию 25.02.2011

Описывается лексика русского языка в совокупности актуальных для исследования русской ментальности аспектах. Предложен принцип идеографического описания лексического материала как наглядной модели лексико-семантической системы русского языка. Приведены примеры, проанализированные с позиции лингвокультурологии. Ознание сущности языкового явления, взаимодействие различных научных школ и направлений.

Ключевые слова: лексика, ментальность, лингвокультурология, идеография.

Роль лексики в общении людей между собой огромна, так как без минимального запаса слов полноценная коммуникация становится затруднительной. Это особенно актуально в условиях межкультурной коммуникации, поэтому необходимо выделить некоторые аспекты описания русской лексики, которые могли бы предупредить появление коммуникативных помех в межкультурном общении: учёт некоторых моментов, связанных с ментальностью (I), лингвокультурологические изыскания (II), возможность идеографического представления русской лексики (III).

I. Среди многочисленных определений понятия *ментальность* есть дефиниция, объединяющая выделенные аспекты описания лексики и подчеркивающая цепочку Язык → Мышление → Знание (через познание) → Слово. «Национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определенной обстановке – это и есть ментальность» [1, с.13].

Национальное видение мира проявляется в языке на всех уровнях, прежде всего на лексическом. Именно лексика несет основную смысловую и культурную нагрузку. Исследователями рассматривались наиболее показательные лексические сферы: слова, соответствующие определенным аспектам универсальных философских концептов, – *правда – истина, долг – обязанность, свобода – воля, добро – благо*; понятия, специальным образом выделенные в русской языковой картине мира, – *душа, судьба, жалость*; уникальные русские концепты *удаль,*

тоска; «мелкие слова» как выражение национального характера *авось, а вдруг, небось* [см. 2, а также конструктивную критику этой точки зрения в 1]. Чрезвычайно интересны слова, отражающие специфику русского представления о времени и пространстве. Наличие в русском языке близких по значению слов отвечает существенно для русской языковой картины мира различию эмоционального (*миг, мгновение*), исторического (*момент*), бытового (*минута*) времени [3]. При описании пространства важными составляющими внешнего вида объекта для русских являются его форма, размер и цвет [4]. В центре внимания остаются также проявляемые в языке удвоенность русского сознания (*едва-едва, чуть-чуть, бегом бежать, дурак дураком*), эмоциональность плеоназмов (*безмолвная тишина, безводная пустыня*), представленное особым образом отрицание (*никто никогда никому не ...*), образование положительных смыслов от отрицательных (*небезобразный, небезынтересный*), персонификация неодушевленных предметов (*солнышко, хлебушек, колбаска, молочко*) и многое другое.

На уровне лексического значения один из компонентов, называемый прагматическим, часто бывает так глубоко «спрятан» в значении слова, что мы чувствуем его буквально на уровне подсознания. Пример из лекции ведущего профессора Санкт-Петербургского государственного университета Г.Н. Складневской: кто лучше – *старуха* или *старушка*? Конечно, можно сказать, что именно суффикс придает оттенок смягчения лексеме *старушка*, но почему в таком случае нейтральная единица *старуха* (женская форма к лексической единице *ста-*

рик) получает осязаемую пейоративную оценку? Учёт такого рода замечаний ставит вопрос о том, как аксиологические акценты могут быть представлены в словаре.

II. Свой вклад в описание содержательного плана подобных языковых единиц, обусловленных особенностями культуры, вносит лингвокультурология, в которой перспективными становятся исследования языковой семантики (способы, вырабатываемые языком для осмысления человеком мира); языковая номинация (способность языка зафиксировать знания человека о мире с помощью языковых знаков); изучение построения языковых парадигм (лексико-семантических и функционально-семантических структур); изучение национального характера речевого поведения; изучение объема культурной информации, заключенной в языке как идиоме и др. [5].

Лексические единицы вступают в различные формально-смысловые инвариантные парадигматические отношения: *омонимические* (совпадение по форме при разном смысле), *синонимические* (совпадение по смыслу при полностью или частично разной форме), *антонимические* (противопоставление по смыслу без учета формы) и *паронимические* (близость формы при разном смысле). Налицо сложность семантических взаимоотношений. Некоторые ученые рассматривают паронимию как некую разновидность омонимии, а паронимы как «псевдоомонимы», указывая на их формальную близость [6]. Часто отмечают, что синонимия и антонимия устроены одинаково – каждое из этих явлений имеет как объединительные, так и различительные признаки, ведь различие между синонимией и антонимией заключается в том, что в синонимии на передний план выдвигаются объединительные признаки, а в антонимии – различительные. Поэтому очевидно, что «антонимия есть семантическое отношение крайних (полярных) членов тематической группы, синонимия – отношение ближайших членов этой группы» [7, с. 81]. Культурное своеобразие синонимии состоит в том, что «семантическая доминанта», на основе которой строится синонимический ряд, «всегда восходит к какому-то специфически народному «образу» – представлению, которое создавалось в течение столетий и постоянно развивалось, отражая развитие национальной культуры» [8, с. 205]. Такой подход позволяет «увидеть» скрытую ранее внутреннюю семантику лексической единицы, осознать ее культурную значимость.

Сложные динамичные отношения лексических единиц в языковой системе проявляются в

том, что мы отмечаем удивительные, необычные языковые факты: расхождение синонимов до паронимов (*дипломант* – *дипломник*), сближение паронимов до синонимов (*смириться* – *примириться*), соотношение паронимов и омонимов на стыке периферийных явлений – омографов, (*безобразный* – *безобразный*; *недвижимый* – *недвижимый*), пересечение значений паронимов и синонимов (*житель* – *жилец*; *финский* – *финляндский*; *русский* – *российский*; *актер* – *артист*; *моряк* – *матрос*; *меценат* – *спонсор*). Последнюю группу образуют так называемые таронимы (от греч. *taratto* – «путаю, смешиваю» и *опота*, *опута* – «имя») – «лексические единицы, которые устойчиво смешиваются говорящими и слушающими по причине смысловой и/или формальной смежности» [9, с. 34].

Таким образом, представить языковую презентацию различных типов лингвокультурных единиц языка можно с учетом лексико-семантической парадигматики.

III. Идеографическая классификация языкового материала представляет макет лексической системы языка в целом, что позволяет сопоставлять и противопоставлять различные лексем, прогнозировать возможные синтаксические и семантические изменения. Это проявляется в систематизации лексики по тематическим полям, где лексем описываются на основе смысловой близости и связи с определенной темой, идеей. Тематическая, идеографическая классификация снимает вопрос о пересечении значений, так как на первый план сразу явственно выходит определенная категориальная сема, свойственная целой тематической группе, далее интегральная – для лексического соединения лексем, и внутри парадигмы выявляются дифференциальные семы, характеризующие место каждого лексико-семантического варианта.

О необходимости создания словарей идеологического типа, которые должны дать материал для построения истории мышления, отраженного в языке, говорил еще Л.В.Щерба, указывая на необходимость чисто эмпирической классификации слов-понятий для каждого языка в каждый определенный момент времени [10]. Описание культурных смыслов лексем представляется довольно затруднительным, так как «лексикографирование элементов культуры – процесс сложный, <...> приходится вербализовать то, что трудно передать словами: ассоциации, представления, ощущения, воспоминания. <...> при передаче информации в словаре необходимо говорить о том, что известно одному, так,

чтобы это понял другой <...> как представить элементы культуры одного народа носителю другой культуры так, чтобы по возможности соблюсти баланс между «понимать» и «знать» [11, с. 3].

Человек по визуально воспринимаемым признакам идентифицирует то, что его окружает, он способен «выделять черты, дифференцирующие между собой однородные объекты, [его способность] выработана потребностью их узнавания, причем взгляд наш натренирован на различение прежде всего тех объектов, которые важно не перепутать. Естественно, что такими объектами являются в первую очередь люди» [12, с. 11]. При описании внешности человека происходит сопоставление синонимов и антонимов, синонимов и паронимов (о волосах – *седые, серебристые, серебряные; золотистые, золотые*). В идеографическое описание синонимико-антонимических отношений лексических единиц может быть включена языковая метафора, которая дополняет понятийное наполнение лексических групп (используются примеры метафор из [13]).

Внешность человека:

1. *Красивый, привлекательный, симпатичный, обаятельный, очаровательный, милостивый, хорошенький (разг.)* (с позитивной оценкой), *смазливый (разг.)* (с негативной оценкой), *приятный, милый*. Языковая метафора с позитивной оценкой и общим значением «красивый, привлекательный + нарядный» *игрушка, игрушечка, конфета, конфетка, куколка, роза, статуэтка, цветок*.

2. *Некрасивый, непривлекательный, несимпатичный, безобразный, уродливый* (с негативной оценкой), *неприятный отталкивающий противный отвратительный*. Языковая метафора с негативной оценкой и общим значением «некрасивый, непривлекательный + нелепо, некрасиво одетый» *кикимора, мартышка, попугай, тугало, чучело*.

Идеографическое описание сложных слов, характеризующих внешность человека, позволило выяснить, что при определении внешности на первый план выходит цвет, форма, длина. Многие единицы вступают в отношения синонимии (*белобрысый, белокурый, светловолосый*) и антонимии (*тёмноволосый – светловолосый*).

Лицо: *бледнолицый, белокожий, смуглолицый, темнокожий, краснолицый, круглолицый;*

Глаза: *голубоглазый, синеглазый, кареглазый, черноглазый, зеленоглазый, сероглазый, большеглазый, узкоглазый;*

Волосы: *светловолосый, белокурый, белобрысый, тёмноволосый, черноволосый, рыжеволосый, длиноволосый.*

Проблема лексикографического (идеографического описания) лексики помогла выявить скрытые ранее языковые особенности омонимов. Знаком * отмечены единицы, не фиксируемые словарями омонимов:

1. национальность (в отношении омонимии в основном вступают формы женского рода): *американка, болгарка*, венгерка, вьетнамки*, голландка, испанка, кабардинка, казачок, кубанка, лезгинка, панамка, полька, скиф, татарка, финка, чешки*, цыганочка, шотландка, японка;*

2. имена собственные (наличие форм женских имен значительно превышает формы мужских имен): *Вера*, Надежда*, Любовь*, Лилия*, София*, Галочка*, Галька*, Роза*, Катюша*, Груша*, Лампа*, Олимпиада* Лина*, Дина*, Муза*, Карп*, Лев*, Роман*;*

3. тело человека (доминируют диминутивы) *грудка, зубок*, живот, колено*, коленце*, кулак, кулачки, лопатка, ногти, ножка, попка, почка, родничок, ручка, стопа, таз, талия, фаланга, чашечка*, язык;*

4. внешность человека (метафоры, диминутивы, переносные значения):

4.1. телосложение, осанка *выправка, геркулес*, куколка, крошка, стан, стать;*

4.2. лицо *бородка, бровка, глазок, губа, губка, лицо, мина, мочка, мушка, носик, рожка, рыльце, пасть, ушко;*

4.3. волосы, прическа *ёжик, кок, коса, каре*;*

5. социальный статус человека (вовлекаются разговорные и просторечные единицы): *баба, бабка, барыня, гражданка, кавалер, кокетка, маркиза, матроска, папа, папка, пионер, султан, существо, ударник.*

Понятийное представление материала может быть применимо и к описанию фразеологических единиц с учётом семантического удвоения лексем: выражение отрицательных эмоций (*громы и молнии летят; рвать и метать*); характеристика посредственных умственных способностей человека (*ведать не ведает, дундук дундуком, дурак дураком, ни бум-бум*); личностные характеристики, также посредственность (*не мычит не телится, ни рыба ни мясо, ни то ни сё*). Все выделенные группы фразеологизмов обладают пейоративной окраской.

Исследование лексики с точки зрения представления ее культурных ценностей исключительно важно – описание языковой семантики позволяет уточнить объем культурной информации каждой лексической единицы, увидеть способы и способность языка фиксировать знания человека о мире. Понимание особенностей русской ментальности, выраженной в языке,

позволяет проводить лингвокультурологические исследования, на основе которых можно построить лексикографическое – идеографическое – представление лексического материала.

Список литературы

1. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
3. Михеева Л.Н. Время в русской языковой картине мира. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2003. 252 с.
4. Кобозева И. М. Грамматика описания пространства // Языки пространств. Логический анализ языка. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 152–162.
5. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика. СПб.: Изд-во МИРС, 2009. 291 с.
6. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М.: Рольф: Айрис-пресс, 2000. 448 с.
7. Новиков Л.А. Логическая противоположность и лексическая антонимия // Русский язык в школе. 1966. № 4. С. 79–87.
8. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова... . СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.
9. Морковкин В.В. О словарной лексикологии // Русский язык за рубежом. 2001. № 2. С. 32–38.
10. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 54–91.
11. Иванищева О.Н. Лексикографирование культуры / Науч. ред. В. П. Берков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 136 с.
12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
13. Складаревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 166 с.

**DESCRIPTION OF THE RUSSIAN VOCABULARY:
MENTALITY, LINGUISTICS, IDEOGRAPHY**

O.A. Lazareva

A description is given of the vocabulary of the Russian language in the aggregate of all the aspects relevant to the research of the Russian mentality. The principle of ideographic description of lexical material as a visual model of lexical-semantic system of the Russian language is proposed. Some examples are given and analyzed from the perspective of linguistic culturology.

Keywords: vocabulary, mentality, linguistic culturology, ideography.